

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ САМОУБИЙСТВА В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Статья посвящена первым шагам философского осмысления феномена самоубийства в философии Древней Греции. Рассматривая феномен самоубийства в древнегреческой философии, автор выявляет три основных аспекта его изучения: онтологический (базовый), нравственно-этический и социальный (производные) и устанавливает, что древнегреческие философы, давали неоднозначную оценку этому феномену. В некоторых случаях альтруистическое самоубийство оправдывалось и считалось образцом поведения, а с другой стороны осуждая этот жизненный шаг, считали его проявлением небытия, несущего в человеческий мир разрушение и дисгармонию.

Ключевые слова: самоубийство, логос, человек, мир «бывания», мир идей, небытие, телеология.

Тема самоубийства – отказа живых существ от своего существования и жизнедеятельности, имеет древние корни. Впервые свое системное и основательное осмысление этот феномен находит в философской мысли Древней Греции, и это не случайно. Он связан, с одной стороны, с распространением этого явления в общественной жизни древнегреческих полисов, а с другой, с центральной фигурой древнегреческой философии – Сократом. Но «трагическая» судьба Сократа и тема самоубийства могли бы остаться без внимания со стороны современников и потомков, если бы не ряд факторов. Первый предопределяющий фактор, приведший к разработке этой тематике, заключается в смещении познавательного интереса философской мысли Древней Греции с осмысления космологических проблем на бытие человека и его жизнедеятельность. Это было осуществлено благодаря интеллектуальным усилиям софистов. Вторым фактором является сама личность Сократа и та духовная революция, которая предопределила развитие этико-аксиологической тематики всей европейской рационалистической философии. Третьим условием можно считать особое отношение древних греков к жизни, выраженное в дионисийском начале (особой здоровой любви грека к жизненному началу). Эта любовь к жизни наблюдается от первых философов до эллинистической философии.

Начиная с Сократа философский разум, начинает осмысливать проблему самоубийства в разных аспектах и плоскостях, но порой это делается в не явном виде. Эта проблема не была центральной в работах представителей афинской школы.

Открывая абсолютный характер этических понятий и неизменную их сущность Сократ, считает, что их главная задача нравственное совершенствование души человека через придание последнему смысло-жизненной основы. Именно в условиях изменяющейся реальности, с ее диалектической природой, абсолютные понятия становятся смыслообразующим началом. Они олицетворяют мировое логоса в разуме человека. Сократ, как ни кто другой понял, что этические понятия имеют свои онтологические основания в мировом разуме. Только онтологизация этих понятий придает им статус абсолютных.

Абсолютные понятия, для Сократа, тождественны истине они выше по своему гносеологическому статусу, чем частные убеждения или частные поступки – это-то, за что человек может расстаться со своей жизнью. Сократ говорит, что он «на стороне закона и справедливости, нежели из страха перед тюрьмой или смертью быть заодно с... желающими несправедливого». [6, 86]. Поэтому отказ Сократа от истины соразмерен философскому самоубийству, т. е. духовной смерти. Духовная смерть для древнегреческого философа воспринимается как самое страшное наказание, которое может быть ниспослано судьбой («естественный закон», олицетворяющий справедливость и разумность). Вытекающие последствия этого жизненного акта – потеря смысло-жизненной основы, душевный «хаос», потеря веры в жизненные силы человека и познавательные возможности разума. Последний, таким образом, приходит в противоречие с мировым Логосом.

Параллельно с этим аспектом Сократ развивает тезис о том, что философ, прикоснувшись к истинному (трансцендентному) миру этических

абсолютов находит в нем духовное наслаждение, которое венчает познавательный процесс. Для познавшего истинный мир, материальный мир – меркнет. Его ценности и блага не интересуют Сократа. Идеальный мир – цель Сократа, так как духовные возможности и силы разума открывают человечеству разумное устройство космоса. Сократ осознал, что через свой разум он «соединяется» в акте познания с космосом. Этот познанный «идеальный мир», по Сократу, и есть модель социального мироустройства, а в частном случае – модель поведения человека, которую индивид должен осознать и внутренне разделить. Так и делает Сократ и поэтому смерть для него нестрашна, она по его словам – «пустое дело». Сократ считает, что за истину, идеал, человек имеет право умереть. В таком смысле можно трактовать поступок Демосфена, совершивший самоубийство из-за постигнутого разочарования в крушение полиса и его идеалов. Но только с точки зрения этих разумных доводов самоубийство оправдывается Сократом, выступает вынужденной мерой, которой следует прибегнуть человеку. «Совсем не бессмысленно, чтобы человек не лишал себя жизни, – говорит словами Сократа Платон, – пока бог каким-нибудь образом его к этому не принудит, вроде как, например, сегодня – меня». [7, 12].

Но сам Сократ – дитя полиса и его философия космоцентрична. Поэтому общество не раздельно с космосом, а человек не мыслим без общества. Сократовская мысль видит необходимость рассмотреть вопрос о самоубийстве с социальной точки зрения. Оправдывается ли оно с точки зрения общежития? Человеческое существование не раздельно связано с общественным бытием в силу удовлетворения человеком своих потребностей, желаний самоутверждения и самореализации. Это то, что по Сократу позволяет человеку существовать и придает смысл жить сообща, укрепляя и создавая общественные отношения и поддерживая высокий уровень саморегуляции общества. По логике рассуждения Сократа – вступление человека в общежитие обязывает его к определенному образу жизни и призывает к соблюдению долга перед другими членами общества, не смотря на человеческий эгоизм, который мыслитель считает не универсальным свойством человека. Напротив, он утверждает, что «социальная ответственность является неотъемлемой, существенной характеристикой индивида» [5, 70]. Человек за свои поступки не только должен нести ответствен-

ность, но и выстраивать жизненную стратегию с учетом общественного блага. В этом и кроится достоинство человека.

Достоинство человека заключается в выстраивании добродетельного образа жизни в обществе, т. е. соблюдение закона и справедливости (внешние условия) и духовная общественная интеграция (внутренние условия). Результатом следование добродетели является преобразование души. В целом жизненная стратегия личности, по Сократу, должна сводиться в служении другим, общественному благу. Поэтому Сократ принимает смертный приговор и морально готов к лишению себя жизни, но делает он это ради общественного блага и чтобы не порвать духовные «узы», связывающие его со своим народом. Он считает, что, несмотря на несправедливое обвинение, его долг принять вынесенный вердикт. Сократ глубоко осознавал социальную ответственность и не мог перешагнуть через проложенную необходимость, как в социальном смысле, так и в моральном.

Высокая степень солидарности и духовная связь граждан полиса обеспечивалась не только социальной ответственностью, но и чувством патриотизма. Это чувство тесно переплеталось с ревнивым отношением каждого члена полиса к свободе и той социально-политической организации, которая обеспечивает условия для свободного существования. Общественные интересы в городах-государствах не только на словах, но и на деле ставились выше личных или узкосемейных. Самопожертвование или альтруистическое самоубийство на благо полиса признавалось добродетельным поступком и являлось образцовостью, которая продиктована общественным долгом и обязанностью защиты интересов родного полиса. Общественный долг подразумевал защиту и процветание демократических основ города-государства. Таким образом, самоубийство стало восприниматься в общественном сознании древних греков как героическое проявление силы воли, на которую мог решиться только свободный гражданин полиса. Самоубийство в таком роде воспринималось как особая привилегия свободного человека, который может умереть за высшие идеалы, свои убеждения и общественные интересы, которые ставятся превыше всего.

Если отстранится от взглядов Сократа и обратиться к софистам, то «человек начал считаться мерой всех вещей» [1, 316], правильность дей-

ствия или поступка человека трактовалось с точки зрения самого субъекта действия. Он давал оценку не только тому или иному природному или общественному явлению, но должен был уметь объективно и адекватно оценивать свои поступки на уровне своего рассудка. Именно, разум способен давать правильные оценки по поводу того или иного действия. Это не сводится к простому индивидуализму или субъективизму, а подчеркивает их относительность. Природа истины – относительна не в силу изменчивости реальности (объективный характер), а по причине преломление реальности через сознание человека.

С точки зрения относительности знания, самоубийство для софистов серьезный шаг и однозначно, категорично дать оценку этому явлению; сказать, что это правильно или нет – не позволяется возможным. С точки зрения софистов человек совершивший самоубийство или собирающийся это сделать – один знает причину и значение этого поступка. Именно он знает прав он или нет совершая это шаг. Жизнь ценится каждым человеком по-разному. Каждый из нас в праве сам решать жить или умереть, считать поступок нужным или бессмысленным.

В отличие от софистов платоновская философия глубоко метафизична, что обуславливает рассматривать проблему самоубийства через архитеконику бытия Платона, которая диалектична в силу ее неоднородности, иерархичности и градации. Мир «бывания» – чувственный и изменяющийся мир, в котором человек существует и действует, образован двумя началами миром идей (бытие само по себе или сверхбытие) и материей (хора), которое отождествляется в платоновском идеализме с небытием. Эти начала имеют равный статус в придании бытия вещам, что придает последним противоречивый и несовершенный характер. Сопричастность к небытию мира явлений оправдывает, по Платону, такие процессы и явления как войны, болезни, разрушение, убийства и самоубийства, т. е. стремление к небытию. С одной стороны, этим Платон подчеркивает естественность и неизбежность этих явлений. С другой стороны, все эти явления противоречат истинному бытию, потому что мир эйдосов – начало созидательное, а не разрушительное. Самоубийство – это «саморазрушение», нарушение гармонии истинного мира, а значит «противно» мировому Логосу.

«Сопричастность» любой вещи к идеальному миру по логике размышления Платона выстраивает определенную систему отношений между составляющими двух миров. Идеи для вещей выступают не только как причины, образцы, но и самое главное как цели. Мир как «становление» стремится к своему идеальному образцу как главной цели, т. е. стремление к истинному бытию. На вершине этого истинного и сверхчувственного бытия возвышается идея блага, сообщающаяся всем предметам сущность. Идея блага не приемлет всего того, что не стремится к ней и действует вопреки закону истинного бытия. Самоубийство как раз является тем, что противоречит идеи блага, а значит совершенному и истинному миру эйдосов, нарушая тем самым идеальное предназначение мира явлений, т. е. движение к совершенству и благу. И не случайно, что мир идей совершенен и не допускает в свои пределы идею изменения, разрушения и тем более идею саморазрушения (самоубийства). В «Законах» Платон со всей строгостью декларирует самое жесткое наказание и демонстрирует непримиримое отношение к самоубийцам, которых положено «погребать в одиночестве, а не вместе с другими. Далее столь бесславных людей надо хоронить на пустырях, не имеющих имени, на границах двенадцати частей государства, не отмечая при этом их погребения ни надгробными плитами, ни надписями» [8, 330]. Имя для человека как идея для предмета, указывает его сущность, таким образом, самоубийством человек разрушает истинное свое предназначение и порывает свою связь с истинным бытием. Поэтому у Платона лишения себя жизни должно караться лишением мертвеца имени, места и надгробья. Среди живых ему нет места как в человеческой памяти, так в социально-жизненном пространстве. Платон, таким образом, подчеркивает, что самоубийство подразумевает абсолютный предел бытию человека как в природном, социально-культурном и сверхбытийственном смыслах.

В платоновской концепции выявляется противоречие, как сочетать и объяснить, что с одной стороны в реальности имеет место быть самоубийство, с которым древние греки сталкивались в общественной жизни и многие из них прибегали к этой мере, а в платоновском сверхчувственном мире нет места идеи самоубийства. С точки зрения объективного идеализма Платона этот

феномен обладает наименьшей причастностью к истинному бытию (миру эйдосов), а в большей мере сопричастен к материальному началу (небытию). Это явление скатывается в область небытия и пытается приблизить к этому и весь мир вещей. В таком понимании сами явления, вещи и процессы природного и социального мира в разной степени зависимы, сопричастны и тяготеют к разным уровням бытия, что и определяет их свойства и назначение в мире.

Но Платон в неявном сравнении двух феноменов смерти и самоубийства, отдает предпочтение первому, считая, что смерть это воссоединение души с миром эйдосов, так как приводит к освобождению души от тела. «Желание смерти», особенно философами приветствуется и одобряется Платоном, но противоречит его концепции тогда, когда это делается через самоубийство. То, что истинный философ, особенно идеалист, жаждет смерти – это естественно, она приводит его в лучший мир (для Платона мир идей), где будет наслаждаться созерцанием истинного бытия. Но сам ее он не смеет приближать путем лишения себя жизни, в силу изложенных доводов.

Проблема самоубийства оказалась в поле зрения и ученика Платона – Аристотеля, который осмысливает этот феномен с точки зрения телеологии. В природе, как и в искусственном мире все имеет цель своего существования, которая заложена в каждой вещи и каждом живом создании. «То, что возникает естественным путем или благодаря замыслу, – пишет Аристотель, – возникает ради чего-то». [2, 288]. Так телеологические представления распространяются Аристотелем на весь космос, а целевая причина носит вечный и всеобщий характер. «Говоря о телеологии Аристотеля, – пишет А.Н. Чаньшев, – необходимо отметить, что это телеология внутренняя, имманентная. Целью чего бы то ни было является в ней не стремление от себя к чему-то иному, а стремление к себе, к полной самореализации и достижению своего блага» [9, 75] Цель – это внутренний план реализации каждой вещи или каждого живого создания в мире, заложенный потенциально и требующий своей актуализации (реализации). Реализация своего внутреннего плана по Аристотелю приводит к постижению (осознанию), если это касается человека, и достижению своей подлинной сущности или предназначения в миро-

вом бытие (энтелехия). Это становится подлинной логикой и жизненной стратегией человека, пытающегося выстроить свой образ жизни своеобразно единой цели, которая с одной стороны ведет к максимализации внутреннего потенциала человека и достижению блага, а с другой кладет предел совершенствованию и развитию человека. Единая цель – это как идеал, которому стремится все, он и обуславливает и направляет движение всего. Идеал – это символ вечного движения и изменения.

Отождествление блага и цели, приводит Аристотеля к мысли, что результат жизненного пути человека не всегда знаменуется достижением подлинного блага, которое следует правильно определять. Поэтому Стагирит не согласен, что подлинное благо человека «достичь кончины, ради которой родился» [3, 86], но предполагает достижение наилучшего результата. Человек не должен прожить жизнь в пустую, и умереть, а должен добиться реализации внутреннего плана, путем совершенствования, раскрытия творческого потенциала, реализации заложенных способностей и в конечном итоге внести свой личный вклад в улучшение общественной жизни (праксиология). Реализация потенции – эта победа человека над конечностью своего бытия.

Но это может и не случится, человек сам может положить этому конец – совершить самоубийство. Самоубийство рассматривается Аристотелем как препятствие, которое лишает человека возможности в течение своей жизни реализовать свое социальное и космическое предназначение, т. е. человек, таким образом, ставит сам себе «искусственный» предел, обрывающий естественное движение человека к высшей цели. Не случайно в Никомаховой этике Аристотель осуждает самоубийц и считает, что правомерно с точки зрения морали, что государство «налагает взыскание на самоубийцу и своего рода бесчестие преследует его как человека, который неправомерно поступил по отношению к государству» [4, 169]. В целом самоубийство в аристотелевской философии выступает символом незавершенности и нецелесообразности. Только смерть ставит конечную точку в реализации и совершенствовании человека. По сравнению с самоубийством смерть – это естественный предел существования и развития человека.

Проблема самоубийства в Древней Греции нашла свое первое философское осмысление. Были выявлены различные аспекты изучения этого феномена: онтологический (базовый), этический и социальный (производные). Древнегреческие мыслители не только сделали первые шаги к познанию и объяснению этого феномена, но и дали ему первую оценку с точки зрения философии, которая оказалась не однозначной. С одной стороны в некоторых обстоятельствах альтруистическое самоубийство оправдывалось и считалось образцом поведения, а с другой сто-

роны, большинство мыслителей склонялись к неприемлемости и осуждению этого жизненного акта. Самоубийство считалось нецелесообразным поступком, сущность которого древнегреческие мыслители выводили из небытия, что подразумевало внесение разрушающего, дисгармонирующего начала, как в общественное бытие, так и в бытие человека. Этот акт обрывал развитие человека, символизируя неестественный и неразумный конец (природному, социальному и культурному) бытию человека, а также вступал в противоречие со сверхбытием.

21.01.2012

Список литературы:

1. Антология мировой философии. В 4-х т. Т.1, ч.1. – М.: «Мысль» 1969. – 576 с.
2. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 1. – М.: «Мысль», 1976. – 550 с.
3. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т.3. – М.: «Мысль», 1981. – 613 с.
4. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т.4. – М.: «Мысль», 1983. – 830 с.
5. Гусейнов А.А., Иррилиц Г. Краткая история этики. – М.: Мысль, 1987. – 589 [3] с.
6. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т.1. – М.: Мысль, 1990. – 860 [2] с.
7. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т.2. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.
8. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т.4. – М.: Мысль, 1994. – 830 [1] с.
9. Чанышев А.Н. Аристотель. – 2-е изд., доп. – М.: Мысль, 1987. – 221 с.

Сведения об авторах: **Лященко Максим Николаевич**, старший преподаватель кафедры философии науки и социологии Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 33, ауд. 2552, e-mail: megamax82@rambler.ru

UDC 111.8:124:179.7 (38)

Lyashenco M.N.

SUICIDE IN THE PHILOSOPHICAL THOUGHT OF ANCIENT GREECE

The article is devoted to the first steps of philosophical understanding of the phenomenon of suicide in ancient Greece. Considering the phenomenon of suicide, the author identifies three main aspects of his study: ontological (the base), moral-ethical and social (derivatives) and states that the ancient Greek philosophers, condemning this vital step, it was considered a manifestation of non-being, bearing in the human world destruction and disharmony.

Key words: suicide, logos, people, world «byvaniya» world of ideas, non-being, teleology.

Bibliography:

1. Anthology of world philosophy. In 4 volumes, v.1, p.1. – М.: «Thought» in 1969. – 576 p.
2. Aristotle. Works. In 4 vols 1. – М.: «Thought», 1976. – 550 p.
3. Aristotle. Works. In 4 volumes V.3. – М.: «Thought», 1981. – 613 p.
4. Aristotle. Works. In 4 volumes V.4. – М.: «Thought», 1983. – 830 p.
5. Guseinov, A.A., G. Irrlitts A. Brief History of Ethics. – М.: Thought, 1987. – 589 [3] p.
6. Platon. Works in 4 volumes: Vol.1. – М.: Thought, 1990. – 860 [2] p.
7. Platon. Works in 4 volumes: Volume 2. – М.: Thought, 1993. – 528 p.
8. Platon. Works in 4 volumes: T.4. – М.: Thought, 1994. – 830 [1] p.
9. Chanyshv A.N. Aristotle. – 2nd ed., Ext. – М.: Thought, 1987. – 221 p.